ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Новгородская вечевая печать в публикациях и исследованиях

О. И. Хоруженко

Для цитирования: *Хоруженко О. И.* Новгородская вечевая печать в публикациях и исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 2. С. 630–643. https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.218

Работа посвящена так называемой новгородской вечевой печати, или печати из собрания графа М. В. Толстого, которая не только периодически издается со второй половины XIX в., но и трансформируется от публикации к публикации. До настоящего времени в исследовательской литературе она зачастую интерпретируется как памятник сфрагистики XV в. Предполагается, что она скрепляла решения новгородского веча — высшего органа власти Новгородской республики, то есть использовалась до 1478 г. Иконография печати дает основания отдельным авторам судить о внешнем виде атрибутов новгородской независимости — «вечевой степени», понимаемой как трибуна для выступления ораторов, и жезла новгородского владыки. В статье предпринимается попытка проследить историю формирования такого подхода к данному памятнику сфрагистики и понять, насколько этот источник адекватен тем запросам, которые к нему предъявляют исследователи. Показывается, что все известные изображения печати восходят к единственному источнику — иллюстрации в труде А. Б. Лакиера 1855 г., воспроизводящей печать новгородских воевод конца XVI — начала XVIII в. Версия о принадлежности этой печати новгородскому вече сформировалась во второй половине XIX — начале XX в., но в своем завершенном виде была изложена А. В. Арциховским. Исследователь выстроил схему постепенной трансформации новгородских вечевых эмблем в символы самодержавной власти. К сожалению, его остроумная и внешне доказательная идея опровергается всем комплексом памятников новгородской сфраги-

Олег Игоревич Хоруженко — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт российской истории Российской академии наук, Российская Федерация, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19; khoruzhenko1@yandex.ru

Oleg I. Khoruzhenko — PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Russian History, The Russian Academy of Sciences, 19, ul. Dm. Ulyanova, Moscow, 117292, Russian Federation; khoruzhenko1@yandex.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

стики. Изображения, призванные подкрепить эту точку зрения, представляют собой в лучшем случае реконструкции или в значительной степени отредактированные изображения. Попытка М. Н. Тихомирова подкрепить версию Арциховского указанием на архитектурные параллели не может быть признана убедительной. Мнимое сходство с так называемой Вечевой гридницей (на самом деле с Воротной башней Гостиного двора), памятником конца XVII в., никак ее не поддерживает.

Ключевые слова: сфрагистика, геральдика, Великий Новгород, вече, миниатюры, Лицевой летописный свод, буллы, печати, герб.

The Seal of Novgorod Veche in Publications and Researches

O. I. Khoruzhenko

For citation: Khoruzhenko O. I. The Seal of Novgorod Veche in Publications and Researches. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, issue 2, pp. 630–643.
https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2021.218 (In Russian)

The article is devoted to so-called "seal of the Novgorod veche" or "the seal from the collection of Count M. V. Tolstoy", which not only has been periodically published since the second half of the 19th century, but also has been undergoing transformations from publication to publication. It is often interpreted in the scholarchip as the 15th-century monument of sphragistics. It supposedly sealed decisions of the Novgorod veche — the supreme authority of the Novgorod Republic, i. e. having been in use until 1478. The iconography of the seal enables some authors to suggest the emergence of the attributes of Novgorod independence — the "veche stepen", which is understood as a platform for orators to speak, and the rod of the Novgorod archbishop. This article attempts to trace the history of the development of this approach to the monument of sphragistics and to understand whether this source meets the requirements applied by researchers. The author demonstrates that all known images of the seal are rooted in the only source — the illustration in the 1855 corpus by of A. B. Lakier of 1855 reproducing the seal of Novgorod voevodas of the late 16th — early 18th centuries. The version that this seal belonged to the Novgorod veche was formed in the second half of the 19th — early 20th centuries, but took its final shape in the presentation by A. V. Artsikhovsky. Unfortunately, the ingenious and outwardly convinving idea of Artsikhovsky is refuted by the whole complex of monuments of Novgorod sphragistics.

Keywords: sphragistics, heraldry, Veliky Novgorod, veche, miniatures, The Facial (Illustrated) Chronicle, Bullas, Seals, Coat of arms.

При вступлении в должность воеводам Великого Новгорода в XVI–XVII вв. передавался в числе прочего ларец, хранившийся в Приказной палате, а «в ларце великих государей Новгородцкого государства печать серебряная, влагалище жемчужном в ларчике, ларчик обит бархатом и наугольники окованы серебром. Другая печать серебряная меншая городовая»[1]. Применение большой новгородской печати, вероятно, было редким; ее оттиски к настоящему времени не обнаружены. Есть все основания предполагать, что именно ее описание помещено в летописной статье 1565 г.: «место, а на месте посох, а у места с сторону медведь, а с другую сторону

[1] Новгородский росписной список 7196/1688 [г.] // Новгород двести лет тому назад (материалы для истории города). Новгород, 1888. С. 7, 8.

Рис. 1. Печать новгородских воевод XVII в. («меньшая городовая») [Lind J. H., 1985. Fig. IV]

рысь, а под местом рыба»[2]. Очевидно, «большая» печать (ее оттиск или описание) послужила образцом для новгородской эмблемы на большой печати царя Ивана Васильевича.

Оттиски «меньшей городовой» печати представлены в значительном количестве. Наиболее ранний документ с такой печатью датирован 1593 г. (воевода Василий Иванович Шуйский, будущий царь)[3]. На протяжении XVII в. она скрепляла документы новгородских воевод Ивана Борисовича Репнина, Василия Григорьевича Ромодановского, Ивана Петровича Пронского-Рыбина[4] и пр. «Целый ряд новгородских документов второй половины XVII века», скрепленных этой печатью, выявил Н. Г. Порфиридов в фондах Духова и Александро-Свирского монастырей, Новгородской казенной палаты[5]. Несколько экземпляров обнаружено Е. И. Каменцевой и Н. В. Устюговым, Дж. Линдом[6].

Последний случай употребления новгородской «меньшей городовой» печати зафиксирован 12 декабря 1702 г., когда она была приложена к выписи новгородской приказной палаты[7].

Печати имеют диаметр около 3 см, все оттиснуты на черном воске. Круговая надпись гласит: «Печать господарьства Великого Новаграда». Изображение на печатях, отличаясь от летописного описания (каковое следует отнести к «большой» печати) отсутствием фигур медведя и рыси, полностью совпадает с описанием в Росписи печатей царя Алексея Михайловича: «место, а на месте посох, под местом озеро да три рыбки»[8] (рис. 1).

«Место» на печати представляет собой три примыкающих одно к другому строения (возможно, одно трехчастное строение), изображенных с применением характерной для древнерусского изобразительного искусства обратной линей-

---

[2] Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). СПб., 1908. Т. 13, 2-я пол. С. 398.

[3] *Курдюмов М. Г.* Описание актов, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии // Летопись занятий имп. Археографической комиссии за 1906 год. СПб., 1906. Вып. 19, 3-я пагин. С. 9, № 27а.

[4] [Печать кн. И. Б. Репнина, 1661 г.] // Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 1455. Оп. 4. Д. 18/340. Л. 3; [Печать кн. В. Г. Ромодановского, 1665 г.] // Там же. Л. 6; [Печать кн. И. П. Рыбина Пронского, 1672 г.] // Там же. Ф. 136. Оп. 1, № 101. Л. 1; [Печать кн. Ю. М. Одоевского, 1678 г.] // Там же. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 43/365. Л. 9; [Печать кн. М. Я. Черкасского, 1685 г.] // Новгородские вислые печати княжие, владычные, посадничьи, наместничьи, воевод и тысяцких: извл. из статей новгородской газеты «Волховский листок» № 93 и 94, 1903 г. / сост. М. Полянский. [Б. м.], 1903. С. 34–35, № 62; [Печать кн. П. С. Прозоровского, 1689 г.] // Там же. Оп. 6. Д. 1502. Л. 2.

[5] *Порфиридов Н. Г.* Очерки памятников новгородской сфрагистики // Новгородский исторический сборник. Вып. 8. Новгород, 1940. С. 35–36. — Выявленные Порфиридовым экземпляры датируются 1644–1699 гг.

[6] *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1963. С. 128, рис. 25; 2-е изд., доп. М., 1974. С. 137, рис. 137; *Lind J. H.* Ivan IV's Great State Seal and His Use of Some Heraldic Symbols During the Livonian War // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1985. Bd. 33. Fig. IV.

[7] *Курдюмов М. Г.* Описание актов… С. 153, № 691.

[8] *Соболева Н. А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 168.

ной перспективы. Первое, расположенное слева строение — с двумя рядами окон, второе — с арочным проемом, третье, ближайшее к зрителю, представляет собой простой кубический объем без каких-либо особенностей. Постройки (или части одного строения) обрамлены пилястрами или колоннами с шарообразными навершиями, установленными на базы из двух колец. «Место» стоит на водоеме («озере»): резчик дал это понять, поместив под горизонталь силуэты трех рыб.

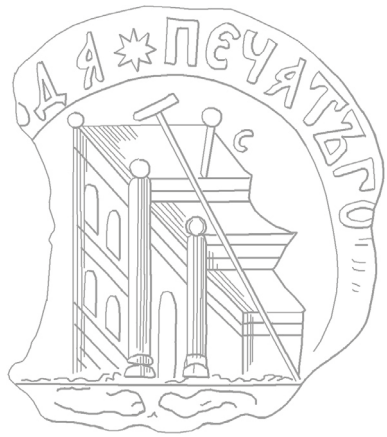

Рис. 2. «Печать господина Великого Новгорода» [Лакиер А., 1855. С. 156]

Одно из значений слова «место» в древнерусском языке и, пожалуй, единственно применимое к изображению на печати — город, населенное место[9]. Этот город, изображенный на печати стоящим на берегу озера, несомненно, Великий Новгород на оз. Ильмень и р. Волхов. Изображение Новгорода под царским посохом имело совершенно ясную символику, не требовавшую разъяснений современникам[10]. Они были свидетелями ликвидации царем Иваном последних остатков новгородской независимости и погрома 1570 г.

Один из оттисков «меньшой городовой» печати средней сохранности оказался в распоряжении А. Б. Лакиера, что и положило начало разбираемой мифологемы. Исходя из понимания новгородского веча как высшего органа государственной власти Новгородской республики[11], автор предполагал, что оно должно было обладать атрибутами своих властных полномочий, в том числе и печатью.

Такой «вечевой печатью» Лакиер и посчитал «меньшую городовую» печать. Экземпляр оттиска А. Б. Лакиера, насколько можно судить, не был прикреплен к какому-либо документу, во всяком случае, автор ничего не говорит о дате, внешнем виде и содержании такого документа. Экземпляр фрагментирован. Левая часть утрачена примерно на треть радиуса; утраты в нижнем секторе оставили от круговой надписи лишь буквы «печатъ го… …да». Лакиер прочитал круговую надпись как «Печатъ го[сподина Великого Новгоро]да»[12] (рис. 2). По его мнению, печать либо принадлежала периоду новгородской независимости, либо восходила к соответственно датированному образцу. Лакиер полагал, что печать сохранила изображение новгородской «вечевой степени» и архиепископского посоха. Следует сказать,

[9] *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. Т. 2. СПб., 1902. Стб. 246; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982. С. 114.

[10] Излишне буквальной является интерпретация выражения «быть под посохом» как физического воздействия, «быть битым» (*Срезневский И. И.* Материалы… Т. 2. Стб. 1252); ср. «посох отняти» (‘лишить власти’), «посох покинути» (‘отказаться от власти’) (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 17. М., 1991. С. 208). Чаще употребляемое выражение «под скипетром» имеет то же значение — ‘под властью’.

[11] Консенсусным мнением можно считать понимание веча как собрания горожан. Дискуссионными остаются вопросы о представительстве, статусе, субординации с иными политическими институтами, компетенции и регламенте. Историографию вопроса см.: *Лукин П. В.* Вече в социально-политической системе средневекового Новгорода: дис. … д-ра ист. наук. М., 2014. С. 29–44.

[12] *Лакиер А.* Русская геральдика: в 2 кн. Кн. 1, ч. 1–3. СПб., 1855. С. 156, табл. XIV, рис. 5.

Рис. 3. «Печать господина Великого Новгорода» по М. В. Толстому (1862) [Гусев П. Л., 1911. С. 122]

что Лакиер формулировал свои предположения с известной осторожностью и не считал их доказанными. Воздержался он и от пояснения, какие политические силы могли бы выступать в XVI–XVIII вв. за сохранение памяти о новгородской независимости в воеводских печатях.

В 1862 г. М. В. Толстой вновь опубликовал печать «господина Великого Новгорода», датировав ее уже XV в. Нет никаких сомнений в том, что источником для новой публикации послужила работа Лакиера: печать содержит те же самые утраты (рис. 3). В своей датировке Толстой также исходил из текста А. Б. Лакиера, который полагал, что «по присоединении Новгорода к Москве», то есть после 1478 г., эмблемы вечевой печати перешли в печати «воевод новгородских XVI и XVII веков»[13]. В публикации Толстого фрагментированная лакиеровская печать была дополнена до круглой формы, утраты обозначены штриховкой. Неясно почему, но приоритет А. Б. Лакиера во введении этого памятника сфрагистики в научный оборот, как и предложенная им датировка, после публикации Толстого были в историографии забыты. Начиная с работы М. Полянского (1903) печать стала фигурировать в литературе как «восковая печать XV в. из собрания графа М. В. Толстого»[14].

В работах 1938–1946 гг. А. В. Арциховский (1902–1978), исходя из интерпретации изображений, предложенных А. Б. Лакиером, сформулировал свою версию эволюции «республиканских эмблем» («вечевой степени», «посоха степенного посадника») новгородской «вечевой» печати в монархические — трон, царский жезл, то есть в официально утвержденный вариант новгородского герба[15]. В опубликованной Арциховским прорисовке «новгородской вечевой печати», основанной на рисунке из работы М. В. Толстого, убрано все лишнее, не укладывающееся в концепцию автора: были опущены круговая надпись и нижняя часть печати, содержавшая изображение рыб[16] (рис. 4). Следует отметить, что идея об эволюции «республиканской эмблемы» (вечевой степени) в «монархическую» (царский трон) не была оригинальной. А. В. Арциховский лишь развил мысль А. Б. Лакиера, который писал: «Сохранившиеся от XVI века и известные нам новгородские печати носят на себе следы той важности, которая придавалась вечу и архиепископу новгородским, и замечательны потому, что представляют начало того изображения, которое потом перешло на печать новгородскую и сохранилось в гербе этой губернии». И далее: «…в конце XVII или начале XVIII столетий вечевые степени заменены велико-

[13] *Толстой М. В.* Русские святыни и древности: в 3 ч. Ч. 3. М., 1862. С. 16, 2-я пагин.; титул. лист. — Этот же рисунок воспроизведен у П. Л. Гусева: *Гусев П. Л.* Символы власти в Великом Новгороде // Вестник археологии и истории. 1911. Вып. 21. С. 122, рис. 7.

[14] Новгородские вислые печати… С. 22, № 29; ср.: *Гусев П. Л.* Символы власти… С. 121; *Арциховский А. В.:* 1) Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944. С. 40; 2) Древнерусские областные гербы // Уч. зап. МГУ. 1946. Вып. 93. С. 49, 52.

[15] *Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы… С. 49–53.

[16] «На рассматриваемой печати еще нет ни медведя, ни рыси, ни *рыбы* (курсив мой. — *О. Х.*)» (Там же. С. 52).

княжеским царским престолом, с накрест положенными скипетром и крестом… таким образом сложился нынешний новгородский герб»[17].

В это же время завязалась дискуссия А. В. Арциховского с Н. Г. Пофиридовым. Последний справедливо указал на то, что все известные к тому времени изображения «новгородской вечевой печати» восходят к рисунку из работы Лакиера, воспроизводившему фрагментированный оттиск. В то же время известны и полные оттиски с той же матрицы XVII в. с уверенно читаемой легендой, но не «Печать господина Великого Новгорода», а «Печать господарьства Великого Новаграда»[18].

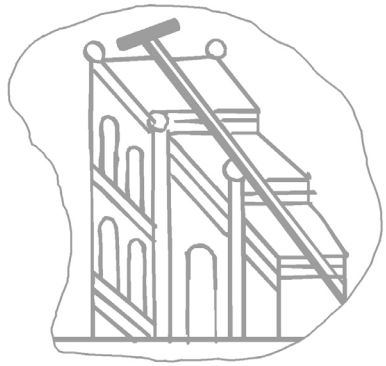

Рис. 4. «Новгородская вечевая печать» [Арциховский А. В., 1946. С. 52]

При подготовке «Очерков по истории СССР» (1953), а затем «Советской исторической энциклопедии» (1967) была решительно поддержана версия Арциховского[19], по всей вероятности, как более идеологически выдержанная и вполне укладывающаяся в теорию диалектического материализма.

Рис. 5. «Печать господина Великого Новгорода» в «Очерках по истории СССР» [Очерки истории СССР, 1953, ч. 2. С. 17]

В обоих изданиях была опубликована реконструкция (точнее, конструкция) «новгородской вечевой печати», стилизованная под фотографию с воскового оттиска. За основу иллюстратор взял прорисовку в работе А. В. Арциховского, сохранив ее нечеткую геометрию, дополнил ее круговой легендой «Печать господина Великого Новагорода». Фигуры нижней части печати («озеро» с рыбами) исчезли. Во избежание всяких сомнений в том, что в «Очерках» воспроизводится фотография реально существующего оттиска, в подписи указано и место его хранения — Государственный исторический музей (рис. 5). Это изображение, прямо восходящее к прорисовке А. Б. Лакиера, но представляющее собой, по сути, фантазию иллюстратора, стало тем не менее в силу авторитетности изданий каноничным.

С этих пор «новгородская вечевая печать» воспринимается как несомненный атрибут Новгородской республики, удостоверявший письменные решения новгородского веча, надежный источник, позволяющий судить о внешнем виде кон-

[17] *Лакиер А.* Русская геральдика. С. 156, 284.

[18] *Порфиридов Г. Н.* Очерки памятников новгородской сфрагистики // Новгородский исторический сборник. Вып. 8. Новгород, 1940. С. 33–36.

[19] Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв.: в 2 ч. Ч. 2. М., 1953. С. 178; Новгородская феодальная республика // Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 10. М., 1967. Стб. 268.

струкции новгородской «вечевой степени», внешнем виде посадничьего посоха и даже об особенностях местной ихтиофауны.

Одновременно с бытованием воеводских печатей возникла вторая традиция новгородской эмблемы. Она основана на альтернативной интерпретации описания — «место» понималось не как город, а как трон, престол. Впервые новая эмблема появилась в Титулярнике 1672 г.[20] и позднее стала основой новгородского городского герба.

Вернемся к тем интерпретациям изображений на мнимой «новгородской вечевой», а на самом деле — воеводской печати конца XVI — начала XVIII в., которые сформулированы и утвердились в историографии.

При публикации печати А. Б. Лакиер предложил свое толкование главной фигуры печати: это «вечевые ступени», или «степени веча»[21]. Автор объяснил, что «вече собиралось на возвышении, на *степенях*, отсюда *степенные* посадники, тысячские». На «степенях», по мнению Лакиера, возлежит архиепископский посох.

Такое объяснение вполне устроило последующих исследователей. Для М. В. Толстого и М. И. Полянского главная фигура печати «господина Великого Новгорода» осталась «степенями веча» и «вечевыми ступенями», П. Л. Гусев и А. В. Арциховский называли ее «вечевой степенью» (последний также «вечевой ораторской трибуной»; вслед за Лакиером он призвал «вспомнить выражение — степенный посадник»), Б. Кене — «помостом оратора народного собрания (вѣче, вече)» (l'estrade de l'orateur de l'assemblée du peuple)[22].

А. Б. Лакиер не знал и не мог знать, как выглядело то «возвышение, на котором собиралось вече», и существовала ли такая постройка в принципе. Письменные источники не содержат выражения «вечевая степень», «степени веча» и т. п., а тем более описания этого сооружения.

Предложенное А. Б. Лакиером понимание определения *степенной* по отношению к посаднику или тысяцкому, как происходящее от их обыкновения обращаться к вечу с трибуны-*степени*, не выдерживает критики. Должность *степенного* посадника в Великом Новгороде отличала его от кончанских посадников[23]. Определение восходило вовсе не к *степени* в значении 'лестница', 'ступень', а к *степени* в значении 'чин', 'должность', 'иерархический ранг'[24]. Средненижненемецкий текст переводит термин *степенной* новгородских документов как werdich (*почтенный*)[25], то есть определение посадника как *степенно́го* соответствует современному *степе́нный*, но никак не связано со *ступенью* гипотетического помоста.

П. Л. Гусев полностью принял определение центральной фигуры на печати как «вечевой степени», но в лежащем на ней посохе желал видеть не атрибут архиепископской власти, а «посох-костыль» степенного посадника[26].

---

[20] Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г. СПб., 1903. С. 34.

[21] *Лакиер А.* Русская геральдика. С. 156, 284.

[22] *Koehne B.* Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie. Part 1. Berlin, 1861. P. 12.

[23] *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 279–293.

[24] *Срезневский И. И.* Материалы… Т. 3. С. 512; Словарь русского языка… Вып. 28. С. 54. — Словарь XI–XVII вв. противопоставляет степенного посадника, как исполняющего свои обязанности в настоящее время, старому (бывшему). По мнению В. Л. Янина, старые посадники представляли собой отдельную категорию новгородской иерархии (*Янин В. Л.* Новгородские посадники. С. 391–392).

[25] *Лукин П. В.* Категории населения Новгорода в опасной грамоте 1472 г. // Slověne. 2015. Т. 4. № 1. С. 257.

[26] *Гусев П. Л.* Символы власти… С. 121–122.

В поисках подтверждения идеи о связи «печати Толстого» с вечевым прошлым Новгорода А. В. Арциховский предпринял исследование древнерусских миниатюр. Он нашел нужное изображение на 1374-м листе Остермановского I тома Лицевого летописного свода (в терминологии автора — Никоновской летописи)[27]. По описанию Арциховского, «четко нарисованы три длинные пологие ступени и ряд арок в боковой стене; то и другое полностью совпадает с рисунком на упомянутой печати XV века. Вертикальные поверхности желтые, горизонтальные синие. Сооружение композиционно самостоятельно и находится на переднем плане»[28].

Значительно снижает весомость этого аргумента то, что изображенная сцена не имеет отношения к вечевому собранию. Она иллюстрирует следующий летописный текст: «И послаша с челобитием ко владыце наместника великаго князя Ивана Прокофьевича и посадника Юрья Онсифоровича и тысяцкаго Алексия и многих бояр и лучших людей»[29]. На миниатюре — группа всадников, следующая по Новгороду к резиденции архиепископа. Строение, обратившее на себя внимание А. В. Арциховского, вовсе не используется здесь как помост вечевого оратора, а условно представляет часть новгородского городского пейзажа (рис. 6) и существенно не отличается по своей форме от пейзажей в иных городах[30]. «Композиционная самостоятельность» и изображение этой фигуры на «переднем плане» не отменяют того, что она помещена в нижнем правом углу миниатюры и служит, по сути, обрамлением для главных фигур. Напротив, в многочисленных миниатюрах Лицевого летописного свода, действительно изображающих новгородское вече, схожие «вечевые степени», даже отдаленно напоминающие рисунок на «печати Толстого», не встречаются[31].

Покрывающий «место» посох долгое время понимался в работах исследователей (А. Б. Лакиер, М. В. Толстой, М. И. Полянский) как атрибут власти новгородского владыки. Это позволяло интерпретировать композицию печати как «выразительную эмблему власти светской и духовной в нераздельном соединении»[32]. Новую интерпретацию изображенного на печати посоха, вполне усвоенную позднейшей историографией, предложил П. Л. Гусев: «вечевая степень и положенный на нее посох-костыль, надо думать, степенного посадника»[33]. Основанием для пересмотра устоявшихся представлений о посохе как символе духовной власти стала одна из миниатюр Лицевого летописного свода («Царственного летописца» в терминологии П. Л. Гусева), на которой изображен посадник Анцыфор Лукинич «на столе с посохом-костылем в правой руке, а его окружают новгородцы, только что вру-

---

[27] *Арциховский А. В.:* 1) Древнерусские миниатюры… С. 126; 2) Древнерусские областные гербы… С. 51.

[28] *Арциховский А. В.:* 1) Древнерусские миниатюры… С. 126.

[29] Лицевой летописный свод XVI века: Русская летописная история: в 40 кн. Кн. 9: 1373–1380 гг. М., 2014. С. 100, л. 1373.

[30] Там же. Кн. 2. С. 326 (Константинополь; Лаптевский том, л. 189 об.); Кн. 8. С. 181 (Сарай; Остермановский I том, л. 497).

[31] Голицынский том, л. 279, 459, 467 об., 958 (Лицевой летописный свод… Кн. 5. С. 281; Кн. 13. С. 207, 224; Кн. 15. С. 161); Лаптевский том, л. 230 об., 395 об., 714, 759 об., 762 об., 767 об., 925 (Там же. Кн. 2. С. 408; Кн. 3. С. 172; Кн. 4. С. 287, 378, 384, 394; Кн. 5. С. 529); Остермановский I том, л. 397, 509, 695 (Там же. Кн. 7. С. 475; Кн. 8. С. 205; Кн. 9. С. 99); Остермановский II том, л. 238, 243, 832 (Там же. Кн. 10. С. 217, 227; Кн. 12. С. 369); Шумиловский том, л. 174 (Кн. 16. С. 128).

[32] *Лакиер А.* Русская геральдика. С. 156.

[33] *Гусев П. Л.* Символы власти… С. 121–122.

Рис. 6. Изображение Новгорода в Остермановском I томе [Лицевой летописный свод XVI века, 2014, кн. 9. С. 100]

чившие посаднику эмблему его должности»[34]. Действительно, схематичное изображение посоха в руках Анцыфора Лукинича вполне сходно со столь же упрощенным рисунком посоха в печати. Но процедура «вручения эмблемы», проведенная «только что», представляет собой чистую фантазию П. Л. Гусева: ни миниатюры, ни текст Лицевого летописного свода не дают повода для суждений о подобном обряде.

По мнению А. В. Арциховского, «П. Л. Гусев дал правильное определение»[35]. Изучив изображения жезлов в миниатюрах Лицевого летописного свода («а их там многие сотни»), Арциховский определил, как ему показалось, разницу между посохами, принадлежавшими представителям светской и духовной власти: «…концы поперечной рукояти архиерейского посоха загибались вниз, а у княжеского жезла и у посадницкого жезла вверх, так же, как и на новгородском гербе»[36]. Этот вывод А. В. Арциховского трудно принять без существенных уточнений. На «вечевой печати из собрания Толстого» рукоять посоха прямая, это, по выражению самого исследователя, «жезл типичной новгородской формы», «Т-образный». Насколько такая форма посохов была типичной для Великого Новгорода, судить трудно. Но, во всяком случае, концы рукояти здесь не загибаются ни вверх, ни вниз; то есть, следуя наблюдениям Арциховского, посох, изображенный на печати, не является ни владычным, ни княжеским, ни посадничьим. Но и сами данные А. В. Арциховского, полученные из анализа миниатюр Лицевого летописного свода, нуждаются в существенной корректировке.

[34] *Гусев П. Л.* Символы власти… С. 122.
[35] *Арциховский А. В.* Древнерусские областные гербы… С. 51.
[36] Там же.

В миниатюрах Лицевого летописного свода Арциховский должен был увидеть посох с загнутыми вверх концами рукояти не только в руках русских князей (Владимира Святославича, Олега Святославича, Андрея Боголюбского и др.) и новгородских посадников (Мирослава Горятинича, Судила Нежатича, Анцыфора Лукинича). С жезлами такой же формы в Лицевом летописном своде изображены византийские императоры (Мануил I Комнин, Исаак II Ангел, Михаил VIII Палеолог и др.) и даже ордынские правители (Батый, Сартак, Узбек/Азбяк, Навруз и др.). Точно такой же посох с рукоятями вверх держит в руке и новгородский архиепископ Евфимий (л. 467 об. Голицынского тома). Таким образом, зависимость формы рукояти посоха от статуса изображаемого в Лицевом своде лица, вопреки утверждению А. В. Арциховского, не усматривается. Что до изображений собственно посадников, то они рисовались как с посохом, так и без него. Приходится признать, что посох воспроизводился миниатюристом условно; он не вкладывал в его форму тех смыслов, которые пытался впоследствии извлечь из нее исследователь. Вероятно, жезл понимался художником как атрибут (вовсе не обязательный) любого лица, облеченного светской или духовной властью.

«Жезл как эмблему веча» А. В. Арциховский обнаружил на 178-м листе Радзивиловской (Кенигсбергской) летописи[37]. Связь между этим изображением и новгородским вече не ясна. Миниатюра на данном листе иллюстрирует рассказ о переговорах князя Владимира Давыдовича с митрополитом и киевлянами в 1147 г.[38] Среди киевлян за спиной митрополита стоит (по описанию Арциховского) «молодой человек в короткой красной рубахе, который держит за нижнюю часть левой рукой высоко поднятый жезл, и это жезл типичной новгородской формы, длинный и Т-образный». Ни одежда, ни поза, ни возраст изображенного человека не предполагают его высокого статуса.

Второй «жезл как эмблему веча» Арциховский нашел на обороте 762-го листа Лаптевского тома Лицевого летописного свода[39]. Здесь, действительно, изображено вечевое собрание, на котором «многа молва и кличь бысть». Новгородцы разделены на две противостоящие партии. Из-за спин правой группы участников собрания, как и в миниатюре Кенигсбергской летописи, размахивает или грозит посохом молодой (судя по короткой бородке) человек. Как и в Кенигсбергском списке, он скорее не участник совещания, правомочный участвовать в его решениях, а активный зритель, приветствующий чьи-то речи или протестующий против них. В центре композиции — вечевой колокол, который А. В. Арциховский считал «второй эмблемой веча». Колокол в отличие от жезла довольно часто изображается в сценах веча в Лицевом летописном своде (но не является непременным атрибутом таких сцен). В любом случае совершенно очевидно, что обнаруженные Арциховским в Радзивилловской летописи (л. 178) и Лицевом летописном своде (л. 722 об. Лаптевского тома) миниатюры не изображают ни новгородских посадников, ни тем более новгородского архиепископа.

Таким образом, обращение к миниатюрам летописей не дало значимых аргументов для подкрепления предложенной рядом исследователей интерпретации

[37] *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры… С. 40, рис. 10.
[38] ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38: Радзивилловская летопись. С. 114, л. 178.
[39] *Арциховский А. В.* Древнерусские миниатюры… С. 125, рис. 35.

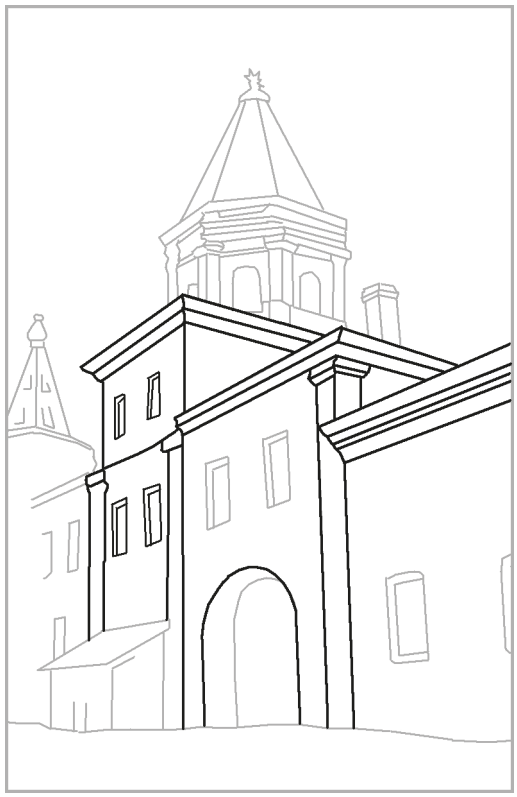

Рис. 7. Вечевая гридница в 1939 г. (прорисовка) [Строков А., Богусевич В., 1939. С. 68]

фигур на «печати Толстого» как «вечевой степени» и посадничьего (архиепископского) посоха.

Позднее М. Н. Тихомиров предложил новый аргумент в пользу связи «печати Толстого» с новгородскими вечевыми традициями. Он отметил сходство (действительно, чрезвычайно убедительное) этого строения с «так называемой Вечевой гридницей на Торговой стороне Новгорода, которое в переделанном виде сохранилось до нашего времени: башня в три яруса и сбоку более низкое здание с воротами. Шатер, венчающий теперь здание Вечевой гридницы, явно носит черты позднейшей постройки XVII в.»[40] (рис. 7). Конечно, такую капитальную постройку, как Вечевая гридница, при всем желании нельзя считать идентичной «степеням веча», «вечевым ступеням» или «ораторской трибуне». Идея М. Н. Тихомирова предполагала совсем иной функционал постройки: оратор — степенной посадник не мог бы подниматься по таким ступеням-«степеням» на трибуну. Тем не менее эта версия явно работала в поддержку концепции о вечевой древности новгородской эмблемы.

Увы, при детальном рассмотрении идея М. Н. Тихомирова оказывается чрезвычайно уязвимой по целой совокупности обстоятельств.

[40] *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 280.

Известие о возведении в 1472 г. каменной гридницы на Княжем дворе содержится в Новгородской IV летописи[41]. Когда и почему гридница была отождествлена с сохранившимся зданием (оно же — Ярославова башня) и оказалась связанной с деятельностью веча, неясно. Вероятно, приоритет в отождествлении следует признать за В. С. Передольским. Его аргумент звучал так: «Мы видели внутри Дворища высокое башнеобразное здание; почему бы ему не быть Гридницею каменною 1472 года?». При этом автор не допускал связи постройки с вечем: это «не Вечевая гридница, а дворцовая постройка древних времен»[42]. Но уже в работе А. А. Строкова и В. А. Богусевича фотография этого строения сопровождается подписью «Вечевая башня (гридница) 1472 г.», причем авторы предположили, что именно здесь висел вечевой колокол[43].

Ко времени выхода работы М. Н. Тихомирова уже стало понятно, что утверждение о связи «гридницы» с вечевым прошлым Новгорода необоснованно. «Исследования 1948–1950 годов показали, что нет оснований связывать дошедшее до нас сооружение не только со строительством времен Ярослава, но даже и с вечевым периодом Новгорода (до XV в.)»[44]. Кроме этого, оказалось, что сходство «гридницы» с изображением на «печати Толстого» обманчиво: оно обнаруживается лишь в отдельных ракурсах, на фотографиях памятника, выполненных в 1939–1940 гг., когда арка южного крыла была еще заложена, а пристроенные к зданию торговые помещения еще не были снесены[45]. После проведенной реставрации здание вернуло себе изначальную симметрию. Сейчас установлено, что эта постройка была возведена в конце XVII в. московскими зодчими Семеном Елфимовым и Гурием Вахрамеевым. Теперь она фигурирует в исследовательской литературе и музейной практике как «Воротная башня Гостиного двора» 1690-х гг.[46]

С 1930–1940-х гг. значительно пополнился корпус новгородских средневековых печатей из археологических раскопок, который демонстрирует развитие совсем иных сфрагистических традиций Великого Новгорода, чем это предполагалось А. Б. Лакиером. Общегосударственные новгородские печати не имеют ничего общего с тем конструктом, который представляет собой «печать Толстого». Они содержат надписи «Печать всего Новгорода», «Новгородская печать и посадничья», «Печать новгородская», «Печать Великого Новгорода», каковые подразделяют корпус новгородских булл на пять хронологических групп[47].

---

[41] ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 4. С. 129.

[42] *Передольский В. С.* Новгородские древности: записка для местных изысканий. Новгород, 1898. С. 67.

[43] *Строков А., Богусевич В.* Новгород Великий: пособие для экскурсантов и туристов. Л., 1939. С. 68, рис. 53.

[44] *Захарова В. Н., Давыдов С. Н.* Исследование и реставрация здания Гридницы в Новгороде // Практика реставрационных работ. Сб. 2. М., 1958. С. 63. См. также: *Каргер М. К.* Новгород Великий. Л.; М., 1961. С. 180–181.

[45] *Строков А., Богусевич В.* Новгород Великий… С. 68, рис. 53; *Захарова В. Н., Давыдов С. Н.* Исследование и реставрация… С. 65, рис. 1.

[46] *Золотарева М. В.* Центральные органы власти и регулирование отношений в области строительства в России (в период с конца XVII в. до 1711 г.) // Архитектор. Город. Время: материалы ежегодной Международной научно-практической конференции (Великий Новгород — Санкт-Петербург). СПб., 2011. С. 13.

[47] *Янин В. Л.* 1) Новгородские посадники… С. 447–481; 2) Актовые печати древней Руси X–XV вв.: в 2 т. Т. 2. М., 1970. С. 125–132, 220–228; *Янин В. Л., Гайдуков П. Г.* Актовые печати древней Руси: в 3 т. Т. 3. М., 1998. С. 104–105, 212–213.

Булла с надписью «Печять всего Новагорода» двусторонняя, на обратной по отношению к надписи стороне — изображение сидящего на престоле Вседержителя. Печать бытовала в 1260-х гг. «Новгородская печать и посаднича» датируется 1370-ми гг., она не содержит изображения. В группе печатей с надписями «Печать новгородская» и «Печать Великого Новгорода» В. Л. Янин отметил на оборотных сторонах изображения одной из пяти фигур: Вседержителя, воина, всадника, птицы, зверя. Основная масса этих печатей датируется периодом 1416–1456 гг., единичные их экземпляры использовались между 1456 и 1478 гг. Как видно, ни одно из изображений на печатях, чей юридический статус и чья принадлежность к периоду новгородской самостоятельности несомненны, не могло бы стать основой для того изображения, что фигурирует на наместничьей печати.

Тем не менее тезис о мнимой «печати из собрания М. В. Толстого» как о памятнике периода самостоятельности Великого Новгорода, кажется, ничто не в состоянии поколебать. Мифологема о «новгородской вечевой печати» оказалась устойчивой перед аргументами Н. Г. Порфиридова, не опровергнутыми (и не опровергаемыми) по существу. Не смог его оспорить и новгородский сфрагистический корпус.

Это заставило Джона Линда с 1985 г. опубликовать несколько работ, содержавших попытку дезавуировать утверждения о «печати Толстого» как вечевой. В целом Линд повторил аргументы Порфиридова, сопроводив фотографиями выявленных им оттисков[48]. Однако попытка Линда положить конец этой мифологеме не дала ожидаемого эффекта. О «вечевой степени», изображенной якобы на мнимой печати, повествуется в вышедших уже в последнее время учебных пособиях и исследованиях.

Остается вновь подчеркнуть, что «печать графа Толстого» представляет собой, по сути, фантазийный артефакт. Ее последняя, «каноническая» модификация возникла лишь в 1953 г. Реальной основой «печати Толстого» выступают печати новгородских воевод XVI–XVIII вв. Они изображали не «вечевую степень», а город («место») под царским, а не посадничьим или архиепископским посохом, и имели легенду «Печать господарьства Великого Новаграда», а не «печать господина Великого Новгорода».

References

Artsikhovskii A. V. *Old Russian Miniatures as a Historical Source*. Moscow, MGU Press, 1944, 213 p. (In Russian)

Artsikhovskii A. V. Old Russian Regional Coats of Arms. *Uchenye zapiski MGU.* Moscow, 1946, issue 93, pp. 43–67. (In Russian)

Gusev P. L. Symbols of Power in Veliky Novgorod. *Vestnik arkheologii i istorii*. St. Petersburg, 1911, issue 21, pp. 104–123. (In Russian)

Kamentseva E. I., Ustiugov N. V. *Russian Sphragistics and Heraldry: A Schoolbook*. Moscow, Vysshaia Shkola Publ., 1963, 224 p.; 2nd ed. Moscow, Vysshaia Shkola Publ., 1974, 264 p. (In Russian)

Karger M. K. *Velikii Novgorod*. Leningrad, Moscow, Iskusstvo Publ., 1961, 310 p. (In Russian)

Koehne B. *Notice sur les sceaux et les armoiries de la Russie.* Part. 1. Berlin, F. Sneider, 1861, 46 S.

[48] *Lind J. H.* Ivan IV's Great State Seal…; *Линд Дж.* Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времен Ливонской войны // Архив русской истории. Вып. 5. М., 1995. С. 201–226.

Kurdiumov M. G. Description of Acts Stored in the Archives of the Imperial Archaeographic Commission. *Letopis' zaniatii imp. Arkheograficheskoi komissii za 1906 god*. St. Petersburg, 1906, iss. 19, 3nd pagin., pp. 1–410. (In Russian)

Lakier A. [B.] *Russian Heraldr*. Book 1, parts 1–3. St. Petersburg, 2-go Otd. Sobstv. E. I. V. Kantseliarii tip. Publ., 1855, 304 p. (In Russian)

Lind J. [H.] Great State Seal of Ivan IV and Some of the Heraldic Symbols of the Livonian War Used in the Seal. *Arkhiv russkoi istorii*. Moscow, 1995, iss. 5, pp. 201–226. (In Russian)

Lind J. H. Ivan IV's Great State Seal and His Use of Some Heraldic Symbols During the Livonian War. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 1985, Bd. 33, S. 481–494.

Lukin P. V. Strata of the Novgorod Population in the Opasnaia Gramota of 1472. *Slověne*. 2015, vol. 4, no. 1, pp. 253–265. (In Russian)

Lukin P. V. *Veche in the Social and Political System of Medieval Novgorod*: Diss. … d-ra ist. nauk. Moscow, IRI RAN Press, 2014, 635 p. (In Russian)

Novgorod Hanging Seals of Princes, Vladykas, Posadniks, "Voevodas and Tysyatskys" of Namestniks: Extract from Articles Published in the Novgorod Newspaper "Volkhovsky Listok" no. 93 and 94, 1903. Compiled by M. Polianskii. [S. l.], 1903, 36 p. (In Russian)

Peredol'skii V. S. *Novgorod Antiquities: A Note for Local Research*. Novgorod, Gubernskaia tip. Publ., 1898, 774 p. (In Russian)

Porfiridov G. N. Essays on the Monuments of Novgorod Sphragistics: Seals of Veliky Novgorod. *Novgorod,* 1940, iss. 8, pp. 18–37. (In Russian)

Soboleva N. A. *Heraldry of Russian Towns and Regions in the 18th–19th Centuries.* Moscow, Nauka Publ., 1981, 264 p. (In Russian)

Tikhomirov M. N. *Russia in the 16th Century*. Moscow, Academy of Sciences Publ., 1962, 583 p. (In Russian)

Tolstoi M. V. *Russian Shrines and Antiquities*. Part 3. Moscow, University Press, 1862, 291 p. (In Russian)

Yanin V. L. *Posadniks of Novgorod.* Moscow, Iazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2003, 512 p. (In Russian)

Yanin V. L. *Seals from the Acts of Old Rus' in the 10th–15th Centuries.* Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1970, 367 p. (In Russian)

Yanin V. L., Gaidukov P. G. *Seals from the Acts of Old Rus'.* Vol. 3. Moscow, Nauka Publ., 1998, 496 p. (In Russian)

Zakharova V. N., Davydov S. N. Research and Restoration of the Gridnitsa Building in Novgorod. *Praktika restavratsionnykh rabot*, 1958, collection 2, pp. 63–74. (In Russian)

Zolotareva M. V. Central Authorities and Regulation of Relations in the Field of Construction in Russia (in the late 17th Century — 1711). *Arkhitektor. Gorod. Vremia. Materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Velikii Novgorod — Sankt-Peterburg)*. Ob"edinennyi vypusk 13 i 14 konferentsii. St. Petersburg, 2011, pp. 7–13. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 30 октября 2020 г.
Рекомендована в печать 12 марта 2021 г.
Received: October 30, 2020
Accepted: March 12, 2021